

26

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИЧЕСКИЙ
КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Отражение жизни самураев средневековой Японии
в самурайских пьесах

Выпускная квалификационная работа
по направлению 44.04.01 Педагогическое образование
Направленность программы магистратуры
«Историческое образование»

Проверка на объем заимствований:

65,8 % авторского текста
Работа рекомендована к защите
« 12 » 10 2017 г.
зав. кафедрой всеобщей истории

Н.В. Н.Б. Виноградов

Выполнила:

студентка группы ЗФ-305-121-2-1
Забирова Алена Сергеевна

Научный руководитель:

к.и.н., доцент
Горшков Сергей Маркович

Челябинск
2017

Содержание

Введение.....	4
Глава 1. Япония в раннее средневековье.....	9
1.1. Особенности процесса становления японской цивилизации	9
1.2. Тенденции социально-политического развития	13
1.3. Религиозная жизнь Японии.....	18
1.3.1. Синто	18
1.3.2. Конфуцианство.....	20
1.3.3. Буддизм	23
Глава 2. Отражение поведения самураев в самурайских гунках	29
2.1. Отношение к господину	29
2.2. Проблема столкновения разных видов должного в поведении самурая: долг по отношению к императору и долг по отношению к отцу.....	42
2.3. Самурай на войне	49
Заключение	57
Источники и литература.....	59

Введение

Данная работа посвящена изучению жизни самураев в средние века. Самураи – одни из самых влиятельных и колоритных персонажей истории Японии. Тринадцать столетий прошло с тех пор, как появились первые из них и более ста лет – как последние официально перестали существовать.

Тема данной работы актуальна и сегодня, так как влияние просуществовавшего более тысячи лет и канувшего в историю военного сословия было настолько сильно в Японии прежних лет, что без него невозможно понять историю, традиционную культуру, да и любую грань сегодняшней жизни современной Японии. Вся история Страны Восходящего Солнца пронизана духом самурайства. У многих людей Япония ассоциируется с самураями и, наоборот, для многих эти два слова «самурай» и «Япония» превратились почти в синонимы.

Начиная с XII века, когда правление императора и его придворных сменилось правлением военачальников, в Японии периодически вспыхивали гражданские войны между отдельными враждующими кланами и союзами самурайских домов; порой за оружие брались и сторонники императора, пытавшегося вернуть себе былую власть. Эти войны тормозили развитие торговли, наносили урон урожаю и истощали людские ресурсы.

После 1185 года господствующие позиции в государстве занимают самураи. Каста самураев, или буси, приносит свой образ жизни, что влечет изменения в духовной жизни.

Сословие самураев оказало колоссальное влияние на Японию, оставив после себя массу историй и легенд, дошедших до наших дней. Образ самурайского война представляет собой не столько искусного убийцу, сколько уравновешенного человека, строго живущего по догматам кодекса самураев. Таким образом, интересна и историческая часть

проблемы, и философская. Японское общество и по сей день пропитано принципами военного сословия прежних веков.

Именно поэтому данный аспект и сегодня является наиболее актуальной темой для исследования.

Инструментарий проведения работ по изучению отражения жизни самураев средневековой Японии в самурайских пьесах формировался и совершенствовался в разные исторические эпохи. И все же основную часть исследования составил анализ исторического опыта в XII - XIII вв. Территориальные рамки научной работы – Япония в раннее средневековье.

До сих пор наиболее изучаемым и переводимым произведением являлась «Повесть о доме Тайра», считающаяся вершиной развития жанра. Значение её для японской культуры неопределимо, и её популярность в Японии способствовала тому, что «Повесть о доме Тайра» из всех произведений этого жанра чаще всего становилась предметом изучения и переводилась на разные языки мира — только на английский язык она переводилась трижды. По известности и количеству переводов её можно сравнить разве что с «Повестью о принце Гэндзи». Неудивительно, что исследованию «Повести о доме Тайра» как в Японии, так и на Западе, посвящены сотни работ.

«Повесть о доме Тайра» подробно рассказывает о событиях 1160-1214 годов, произошедших после смуты годов Хэйдзи. В ней подробно описано, насколько возвысился род Тайра и как он пал при восстании Минамото; ознакомиться с этой повестью можно в замечательном русскоязычном переводе И. Львовой (Повесть о доме Тайра, 1982) [4].

Эта повесть настолько затмила все прочие произведения жанра гунки, что подчас можно подумать, будто бы эта повесть явилась сверхновой звездой на литературном небосклоне, и будто бы она изобилует нововведениями, разительно отличающимися её от предшествующей ей литературы.

Повесть Хоген Моногатари (Сказание о годах Хогэн). Рассказывает о том, что в 1156 г. три крупных феодальных дома столкнулись между собой в борьбе за верховную власть. Четвертой стороной борьбы были крупные буддийские монастыри. Все участники располагали собственными воинскими формированиями и разделились на два враждующих лагеря. Один из этих лагерей в качестве претендента на престол выдвигал экс-императора Сутоку, другой - его брата Госиракава. Об отдельных эпизодах этих событий уже через несколько десятков лет после их окончания стали рассказывать перед многими слушателями под аккомпанемент японской лютни бива слепые сказатели бива-хоси. Слушатели собирались в буддийских храмах, и в феодальных поместьях, и при императорском дворце, и среди полей и провинций. Интерес слушателей усугубляется тем, что средневековые японцы верили, будто рассказы о погибших героях способствуют упокоению их душ [7].

Главным источником для изучения мировоззрения самурайства является, бесспорно, кодекс чести – бусидо. Кодекс – это своего рода «книга жизни» самурая. В нём описывается идеал, к которому должен стремиться самурай. В кодексе вплоть до мелочей расписана жизнь самурая, т.е. правила по которым он должен вести свою жизнь. Кодекс делится на три части: в первой говорится больше об общих рассуждениях, во второй о военном и деле и поведении самурая в бою, в третьей больше о служении самурая своему господину. Бусидо интересен тем, что читая его можно понять идеологию самурайства, его культуру и быт. Кодекс является главным и бесценным источником по истории самурайства и его культуре [3].

Проблема изучения бытового аспекта жизни самурайства получила определенное историческое освещение в трудах как советских и постсоветских историков, так и западных. Вопросом происхождения и зарождения сословия самураев в Японии, его развитием, идеологией и культурой занимались многие историки.

Основные сведения о культуре самураев можно почерпнуть из трудов различных исторических деятелей. Вопросы сюзеренитета и иерархии в японском обществе достаточно полно рассмотрены в монографии Сила-Новицкой Т.Г. «Культ императора в Японии». В ней прослежена история культа императора в Японии с древности до наших дней, рассматриваются догматика и эволюция доктрины монархизма; анализируется культ императора в современной Японии. Книга помогает лучше понять истоки и особенности японского национализма, механизм взаимодействия официальной идеологии и массового сознания [33].

Особый интерес представляет работа Спешаковского А.Б. «Самураи – военное сословие Японии». Это наиболее полное и точное описание жизни самураев времен образования данного сословия, а также здесь мы можем наблюдать проблемы наследия самураев сегодня. Помимо обычных, общеизвестных фактов Спешаковский А.Б. рассматривает и подробно объясняет особенности самурайской идеологии, обрядовую специфику, систему военной подготовки. Это, пожалуй, на сегодняшний день одна из лучших работ по истории сословия самураев [33].

Определенное внимание привлекает книга под редакцией Жукова Е.М. «Японский милитаризм». Тут мы имеем возможность проследить путь самураев на протяжении тысячелетия. Достаточно хорошо и ярко рассмотрено положение самурайства в период феодальной раздробленности [16].

Монография Стивена Тёрнбулла «Самураи. Военная история» посвящена истории японского воинского сословия с момента его зарождения до падения во второй половине 19 века. Книга Стивена Тёрнбулла – одно из лучших обобщающих исследований по данной теме. Как и должно быть в военной истории, здесь имеются описания битв и кампаний, которые тесно переплетены с политикой, экономикой, религией, личными амбициями и страстями японских правителей и полководцев. Заслугой автора является также ещё и то, что он очень удачно сумел

показать роль самурайства в истории Японии. Также хочу отметить ещё один труд этого же автора под названием «История японской военной аристократии», в котором Стивен Тёрнбулл в присущей ему манере описывает все аспекты жизни самурайства [36].

В книге японского автора Хироаки Сато органично сплетаются в единое целое разные источники: мифы и исторические хроники, произведения самих самураев и художественные произведения, проза и поэзия. Все вместе они создают яркую и многоплановую картину жизни самураев, исполненной великих подвигов и свершений, верности традициям и заветам предков [38].

Объектом квалификационного исследования являются самурайские гунки.

Предмет исследования: жизнь самураев, отраженная в самурайских гунках.

Цель квалификационного исследования: изучение отражения жизни самураев средневековой Японии в самурайских пьесах.

Исходя из цели диссертационного исследования, были поставлены следующие задачи:

- Изучить особенности процесса становления японской цивилизации;
- Рассмотреть тенденции социально-политического развития Японии;
- Изучить религиозную жизнь Японии (синто, конфуцианство, буддизм);
- Изучить отражение религиозной жизни самураев в самурайских гунках.

Исследование было проведено с помощью следующих общенаучных методов: анализа, синтеза, сравнения.

Структурно работа состоит из введения, двух глав, включающих в себя параграфы, заключения и списка используемых источников и литературы.

Глава 1. Япония в раннее средневековье

1.1. Особенности процесса становления японской цивилизации

Японская цивилизация сформировалась в результате сложных и разновременных этнических контактов. Жизнь в постоянном ожидании стихийных разрушений, драгоценность малого количества пригодной для обработки земли сыграли свою роль в формировании психологии и эстетических взглядов японцев. Японская культура, в отличие от индийской и китайской, на рубеже средних веков только рождалась, поэтому ей был присущ повышенный динамизм и особенная чуткость к восприятию чужеземных влияний [8, с. 48].

В VII в. из Китая был заимствован термин тэнно – небесный правитель. Считалось, что, озирая подвластный край с вершины горы Мива, царь не только демонстрировал свое равенство с богами, но и наделялся способностью более эффективно управлять страной.

Так сложилось одно из специфических явлений японской культуры – культ тэнно - божественного императора, вместившего в свое тело божественный дух и единолично обладавшего правом покровителя страны. Укоренению этого представления способствовали обряды воцарения. Обряд состоял в том, что царь должен удалиться в специально выстроенное помещение и провести там некоторое время, возлежа на циновке под одеялом. Считалось, что тогда-то божественный дух вселяется в него [16, с. 32].

Главными составляющими национальной религии японцев являются культ предков (синто) и обожествление духов (ками). Называется эта религия синтоизм. Пантеон раннего синтоизма включал божеств – предков родов, которые занимали ведущее место в социальной структуре японского общества в период оформления мифа как категории государственной идеологии. Моления, обряд очищения и празднества

составили основу религиозного ритуала. Расцвет государственного синтоизма в Японии приходится на вторую половину VII в. Выдающуюся роль в утверждении синтоизма сыграл император Тэмму, который создал государственный совет по делам религии, ведавший религиозными праздниками и контролировавший храмы по всей стране. Эпоха реформ вызвала появление первого столичного города – Фудзивара ке, бывшего царской резиденцией с 694 по 710 гг. [10, с. 76].

В 710 г. в местности Нара была построена первая постоянная столица – город Хэйдзё кё (Столица Цитадели мира). Начинается новый период культурного развития Японии – эпоха Нара (710-794) [8, с. 54].

Летоисчисление велось по годам царствования императоров. Им также придавалось особое название, девиз, например, “Тайка” (“великие реформы”).

В целях преодоления идейно-политической раздробленности, освящавшейся родовыми и региональными культами синто, японские правители обратились к буддизму, с помощью которого была оформлена общегосударственная идеология. Буддизм способствовал формированию нового типа личности, лишенной родовой привязанности и потому более соответствовавшей системе государственных отношений.

Проникновение буддизма в Японию началось в середине VI в. с прибытием в страну посольства из корейского государства. Сначала буддизм был поддержан влиятельным кланом Сога, утвердился в Асука, а оттуда начал свое победоносное шествие по стране. В эпоху Нара буддизм становится государственной религией Японии, правда, поддержку на этом этапе находит лишь в верхушке общества, не затрагивая среду простонародья [15, с. 72].

Японская культура эпохи оформления централизованного государства преимущественно опиралась на местные традиции. Заимствования из китайской и корейской культуры оставались еще поверхностными. Пришедший в страну буддизм вынужден был

приспосабливаться к национальным традициям. Давлению буддийского духовенства, обосновавшегося в храмах и монастырях столичной Нары, власть активно противопоставляла синтоизм. С этой целью в 784 г. столица была перенесена в Нагаока, а в 794 г. – Хэйан Кё (Киото), что значит “Мир и спокойствие”. К началу следующего периода своего развития японская культура, обогащенная иноземными заимствованиями, уже обладала достаточной внутренней энергией для самостоятельного развития.

Эпоха Хэйан (794-1185) стала золотым веком японской средневековой культуры с ее утонченностью и склонностью к самоанализу, способностью заимствовать формы с материка, но вкладывать в них самобытное содержание. Это проявилось в развитии японской письменности, становлении национальных литературных жанров: повести, романа, лирического пятистишья [17, с. 60].

Хэйанская культурная традиция складывалась из обрядов, граничивших с шаманством и магией, мистического даосизма, конфуцианства и таинственного буддизма. Ярким проявлением этих тенденций стало оформление практики культивирования сверхъестественных способностей благодаря аскетической жизни в горах. Особенное распространение это явление получило после утверждения в Японии заимствованных из Китая двух школ таинственного буддизма – Тэндай и Сингон [18, с. 109].

Таймицу (японское тайное учение) принес в Японию Сайтё (767-822), долгие годы проведший в Китае в духовном центре школы Тэндай. Он учил, что все живые существа обладают сущностью Будды. Это сближало учение с пантеизмом древних японских верований. Достижение состояния просветления возможно для человека лишь в процессе нескольких перерождений. Оплотом Тэндай стали монастыри горы Хиэй близ Киото.

Основатель школы Сингон Кукай (774-835) говорил, что сущностью Будды обладает и неживая природа, сама же Вселенная есть тело верховного Будды. Центром Сингон стала гора Коя близ Киото [15, с. 119].

Выдающейся фигурой эпохи Хэйан был буддийский монах, писатель, каллиграф, просветитель Кукай. Ему приписывают создание первой японской слоговой азбуки хираганы на основы китайского курсивного иероглифического письма. Позже звуки той же азбуки стали записываться знаками другой системы. Так родилась катакана.

В XII-XIII вв. в Японию проникло учение дзэн-буддизм. Особенно популярным оно стало в самурайских кругах. Под его влиянием сформировалась эстетическая концепция XIV в. (красота сокровенного), в основе которой лежал метод отражения истины, сокрытой в красоте вещей – букета, картины [16, с. 78].

1.2. Тенденции социально-политического развития

Отдельным сословием хэйанского общества являлись самураи. Слово «самурай» («сабурай»), образованное от глагола старо-японского языка «сабурахи», имеет в японском словаре древнего языка следующее толкование: «служить великому человеку, человеку высшего сословия», «служить хозяину, защищать хозяина». Самураем называли в Японии слугу знатного лица, слугу феодала, служащего его интересам, охраняющего его поместье, имущество и его самого [17, с. 44].

Начало становления сословия самураев - мелкопоместного военно-служилого дворянства Японии – можно отнести к относительно позднему времени – 7-12 вв. В 645 г. после победы в борьбе за власть двух домов родоплеменной знати (Сумэраги и Накотоми), на престол был возведен представитель победившей коалиции – 36 император Японии Котоку. Приход к власти Котоку получил в Японской истории название «переворот Тайка». Данный переворот способствовал развитию японского раннефеодального монархического государства. В результате реформ вся земля переставала быть собственностью сельской общины, она объявлялась императорской собственностью и отдавалась крестьянам во временное пользование. Надельное крестьянство превратилось в сословие феодального общества, которое стали называть «рёмин». [9]

Наряду с наделами крестьян существовали наделы господствующего класса, однако они существенно отличались от крестьянских земель размерами, зависевшими от титула или должности владельца.

Собственники наделов стремились к полному переходу земель в частное пользование. Жестокая эксплуатация, тяжелое налоговое обложение, многочисленные повинности и стремление крупных землевладельцев захватить крестьянские участки для расширения своих поместий вызывали у крестьянства недовольство, часто переходившее в открытое сопротивление. Одной из форм протеста крестьян были побеги

из своих земель. Беглых стали называть «ронин». Многие из них группировались в разбойничьи шайки, которые с одной стороны занимались грабежом, с другой – шли на службу в частные владения, становились служилыми людьми при крупных буддийских храмах

Феодалные междоусобные войны 10-12 вв., являющиеся следствием политической раздробленности страны и возникшие в результате борьбы крупных феодалов за власть и территориальное преобладание, создали предпосылки для окончательного оформления самурайства как сословия, которое можно назвать сословием мелкопоместного служилого дворянства.

Своего апогея междоусобицы достигли к середине 12 в., во время наиболее напряженной войны между двумя самыми могущественными феодалскими домами того времени – Тайра и Минамото, получившей название Гэмпэй [10, с. 132]

- Минамото - группа родов древней и средневековой Японии, происходивших от детей императоров, которым было отказано в статусе принцев и переведённым в разряд подданных путем предоставления данной фамилии. Хотя сначала Минамото имели престижный статус весьма влиятельной аристократической семьи, со временем они быстро превратились в самураев из-за постоянного выполнения военных заданий столичного правительства.

- Тайра - один из могущественных японских родов, сыгравший выдающуюся роль в истории Японии во второй половине XI и в течение XII столетия. Тайра были одним из четырёх кланов, игравших наибольшую роль в Японии в эпоху Хейан (794—1185) — остальные три были Фудзивара, Татибана и уже названный Минамото [19, с. 88].

Главный враг дома Тайра – Клан Минамото – владел поместьями в диковатых горных и лесистых провинциях на северо-востоке страны. Именно туда, подальше от всемогущей руки Тайра, стекались массы недовольных и обиженных крестьян и самураев. В руках Ёримото было

множество земельных наделов, которые его самураи отвоевали у туземцев. Этой землей Минамото мог награждать наиболее преданных ему и отличившихся в боях воинов. Кроме того, самураи Минамото, в отличие от дружинников Тайра, вели непрекращающиеся боевые действия и, хотя были хуже вооружены и экипированы, имели более высокую мобильность и боевой дух. [17, с.33]

Начиная с XII века, когда правление императора и его придворных сменилось правлением военачальников, в Японии периодически вспыхивали гражданские войны между отдельными враждующими кланами и союзами самурайских домов; порой за оружие брались и сторонники императора, пытавшегося вернуть себе былую власть. Эти войны тормозили развитие торговли, наносили урон урожаем и истощали людские ресурсы [].

В 1156 году между правителем Го-Сиракава и экс-императором Сутоку произошел конфликт, который разбил род Фудзивара на две противоборствующих стороны. В столице стали происходить вооруженные столкновения. Большое влияние на обе стороны приобрело военное сословие самураев. [9, с.34]

В 1159 году началась новая борьба за власть в столице между родами самураев Минамото и Тайра, результатом которой стало поражение Минамото-но Ёситомо. После упрочнения связей с домом Императора, Киёмори стал первым самураем, который вступил на высочайшую государственную должность Министра высшей политики. Киёмори устранил знать из императорского окружения, и принудил императора взять в жены свою дочь. Это позволило представителям рода Тайра занять верховные должности и овладеть большими территориями. Кроме того, они нажили большое состояние при торговле с китайской империей Сун. Благополучные Тайра относились свысока к другим людям настолько, что появилось высказывание «Кто не из рода Тайра, тот — не человек». [9, с.38]

В результате для противостояния роду Тайра образовалась сильная оппозиция. После того как Киёмори назначил императором своего годовалого внука, принц Мотихито потребовал отобрать власть у ненавистного диктатора. Наиболее мощным противником Киёмори был Минамото-но Ёритомо, отправленный родом Тайра после конфликта 1159 года в край Идзу района Канто. Обосновавшись в городе Камакура, он взял власть над местными самураями, и направил против Киёмори войско, которым командовал младший брат Минамото Ёсицунэ. Началось новое противостояние между Минамото и Тайра, в этот раз род Тайра был разбит в сражении под Данноурой в 1185 году.

После того, как угроза рода Тайра была устранена, императорский дом дал Минамото-но Ёритомо право устанавливать во всех регионах государства своих военных губернаторов сюго и земельных вождей дзито, которые контролировали государственные и частные земельные наделы. Уничтожив могущественный род Фудзивара, и подмяв под себя регион Тохоку, Ёритомо стал верховным владыкой японских самураев. В 1192 году он получил титул «Великий сёгун — завоеватель варваров» и впервые создал правительство самураев, сёгунат Камакура. Следовательно, в Японии образовались две системы правления — имперско-аристократическая в Киото, и самурайская в Камакуре. Вторая основывалась на взаимосвязи хозяин-подчиненный между сёгуном и самураями, обладающими землями гокэнин. Сёгун обеспечивал обладателям сохранность старых земельных наделов и дарил новые за хорошую службу; в обмен на это гокэнин были преданны сегуну и несли военную службу. Период существования данного сёгуната принято именовать эпохой Камакура (1185—1333). [10]

Что касается государственного устройства в целом, то здесь рассмотрение вопроса следует начать с более раннего периода. Как отмечалось выше, в 7 в. сложилось раннефеодальное государство во главе с наследственным монархом - императором, сыном богини Солнца -

согласно древней японской религии синто («путь духов»). В это время появилось Министерство императорского двора, которое просуществовало до конца второй мировой войны XX в. Министерство состояло из одного особого управления, четырех главных и тринадцати простых управлений и являло собой сложнейшую структуру, целиком направленную на обслуживание потребностей императорского дома.

Впоследствии с ростом благосостояния и одновременно клановых распрей в Японии возрастает политическое влияние буддийских иерархов.

По достижении совершеннолетия император, как правило, принудительно постригался в монахи, а на престол возводился его малолетний наследник - послушное орудие в руках правящего клана и буддийских иерархов. Так постепенно складывалась традиция двоевластия. [13, с.72]

Высшая государственная власть в Японии принадлежала Большому Государственному совету, разрабатывавшему общие направления государственной политики. Возглавлял Государственный совет канцелярии «старший министр», а непосредственные функции управления там осуществляли два высших министра.

В XII в. с установлением первого сёгуната Минамото (1192-1333) двоевластие в Японии приобретает законченное выражение. Минамото стремился преодолеть раздробленность страны, подавить распри, укрепить государство в целом и свою власть, в частности.

Характерной чертой первого сёгуната было сохранение императора как номинального главы государства, который обладал некоторыми представительскими функциями. Император пользовался традиционными ритуальными почестями, но ни он сам, ни его двор уже не играли при сёгунате сколь-нибудь заметной роли. С начала XIII в. императорский двор становится центром феодальной оппозиции [26, с. 120].

1.3. Религиозная жизнь Японии

1.3.1. Синто

Сложный процесс культурного синтеза местных племен с пришлыми заложил основы собственно японской культуры, религиозно-культовый аспект которой получил наименование синтоизма. Синто («путь духов») – обозначение мира сверхъестественного, богов и духов (ками), которые издревле почитались японцами. Истоки синтоизма восходят к глубокой древности и включают в себя все присущие первобытным народам формы верований и культов – тотемизм, анимизм, магию, культ мертвых, культ вождей и т. п. Древние японцы, как и другие народы, одухотворяли окружающие их явления природы, растения и животных, умерших предков, с благоговением относились к посредникам, осуществлявшим связь с миром духов, – к магам, колдунам, шаманам. Позже, уже испытав влияние буддизма и многое переняв от него, первобытные синтоистские шаманы превратились в жрецов, отправлявших обряды в честь различных божеств и духов в специально для этого сооружаемых храмах [30, с. 53].

Древнеяпонские источники VII–VIII вв. – Кодзики, Фудоки, Нихонги – позволяют представить картину верований и культов раннего, добуддийского синтоизма. Видную роль в нем играл культ мертвых предков – духов во главе с клановым первопредком удзигами, символизировавшим единство и сплоченность членов рода. Объектами почитания были божества земли и полей, дождя и ветра, лесов и гор. Как и другие древние народы, земледельцы Японии торжественно, с обрядами и жертвоприношениями, отмечали осенний праздник урожая и весенний – пробуждение природы. К умиравшим своим соплеменникам они относились как к ушедшим в какой-то иной мир, куда для сопровождения умерших должны были следовать окружающие их люди и предметы.

Те и другие изготовлялись из глины и в обилии погребались вместе с

покойными (эти керамические изделия называются ханива) [31, с. 44].

Древние синтоистские мифы сохранили свой, собственно японский вариант представлений о сотворении мира. Согласно ему, первоначально существовали два бога, точнее, бог и богиня, Идзанаги и Идзанами. Однако не их союз породил все живущее: Идзанами умерла, когда попыталась родить первенца, божество огня. Опечаленный Идзанаги хотел было спасти жену из подземного царства мертвых, но неудачно. Тогда ему пришлось обходиться одному: из левого его глаза родилась богиня солнца Аматэрасу, потомкам которой было суждено занять место императоров Японии [26, с. 72].

Пантеон синтоизма огромен, причем его рост, как это было и в индуизме или даосизме, не контролировался и не ограничивался. Со временем на смену первобытным шаманам и главам родов, отправлявшим культы и обряды, пришли специальные жрецы, канниси («ведающие духами», «хозяева ками»), должности которых были, как правило, наследственными. Для отправления обрядов, молитв и совершения жертвоприношений сооружались небольшие храмы, многие из которых регулярно перестраивались, возводились на новом месте чуть ли не каждые двадцать лет (считалось, что именно такой срок духам приятно находиться в стабильном положении на одном месте) [25, с. 201].

В интеллектуальном отношении, с точки зрения философского осмысления мира, теоретических абстрактных конструкций, синтоизм, как и религиозный даосизм в Китае, был недостаточным для энергично развивающегося общества. Неудивительно поэтому, что проникший с материка в Японию буддизм довольно быстро занял ведущие позиции в духовной культуре страны.

1.3.2. Конфуцианство

Японская культура отлична от китайско-конфуцианской и еще в одном аспекте. Если в Китае почти абсолютно господствовал конформизм, имевший лишь слабые отдушины в виде даосизма и буддизма, то в Японии он был значительно слабее. За индивидом предполагалось право решать, определять и быть преданным той идее и тому патрону, которые им самим избраны. Правда, выбор делался обычно лишь раз – за этим вступала в силу практика верности до гроба и готовности умереть за идею или господина. Но право выбора (пусть однократного, не для всех и не всегда!) в принципе все-таки существовало.

Более близка китайско-конфуцианской японская традиция в сфере культа предков и генеалогического древа. Конечно, той глубины этого культа, какая была в Китае, Япония не знала. Однако культивировавшиеся в среде самураев доблести и достоинства во многом были связаны с их происхождением (черта, более сближающая самураев с европейским рыцарством, чем с китайскими нормами культа предков), а это, в свою очередь, требовало поддержания генеалогического древа и почитания в соответствии с нормами синтоизма покойных предков. И здесь, безусловно, китайская конфуцианская традиция оказала свое воздействие [26, с. 80].

Это, равно как и общая тенденция культурных заимствований из Китая, сыграло свою роль в том, что в Японии со временем получило немалое развитие конфуцианство. Но произошло это не сразу.

История конфуцианства в Японии (как, впрочем, и даосизма) восходит к раннему этапу развития японской цивилизации и государственности. Мигранты с материка, китайцы и корейцы, привозили с собой не только конфуцианские тексты, но и соответствующие им нормы конфуцианской морали и образа жизни, равно как и многие элементы даосизма, оказавшего воздействие на формирование синтоизма. Правда,

даосизм в Японии не укрепился, хотя и оказал определенное влияние на некоторые стороны образа жизни и религиозной практики японцев. В частности, в Японии получили распространение принципы даосской защитительной магии с ее заклинаниями, оберегами, талисманами и т. п. (яп. кондзю), практика гаданий и предсказаний (бокосо-кикке) и различные приемы и принципы китайской медицины. Но господствовавший в Японии буддизм отнесся к даосизму, как и к конфуцианству, достаточно настороженно (более благожелательно элементы даосизма были восприняты структурно родственным ему синтоизмом) [23, с. 9].

Культ древности и великих идеалов прошлого, изучения истории Японии, истоков ее культуры способствовали своеобразному возрождению синтоизма, укреплению его норм во всех сословиях, и прежде всего в самурайстве с его склонностью к идеям влияния предков и преданности господину. Постепенно этот культ, переработанный сквозь призму конфуцианского отношения к правителю, к государю, все более определенно стал относиться именно к японскому императору — прямому потомку великой Аматэрасу, единственному законному правителю Японии [26, с. 153].

Показательно, что под этим углом зрения переосмысливалось и само конфуцианство. Краеугольным камнем его доктрины был, например, тезис о гэ-мин – перемене мандата, владение которым находилось в прямой зависимости от степени добродетельности императора и смена которого освящала характерный для истории Китая принцип сменяемости династий. В Японии, где императорская династия была лишь одна и где принцип преданности господину был возведен в ранг наивысшей добродетели, тезис о гэ-мин оказался неприемлем. Здесь даже возникла легенда, согласно которой любой корабль, перевозивший из Китая в Японию текст трактата «Мэн-цзы» (в нем с наибольшей полнотой был сформулирован принцип добродетельности государя, включавший право народа выступить

против недобродетельного правителя и свергнуть его), неизменно терпел крушение. Боги не желали осквернять японскую землю подобными идеями [24, с. 61]!

1.3.3. Буддизм

Проникнув в Японию в середине VI в., учение Будды оказалось оружием в острой политической борьбе знатных родов за власть. Уже к концу VI в. эта борьба была выиграна теми, кто сделал ставку на буддизм. Буддизм распространился в Японии в форме Махаяны и немало сделал для становления и упрочения там развитой культуры и государственности. Принеся с собой не только индийскую философскую мысль и буддийскую метафизику, но также и традиции китайской цивилизации (буддизм пришел в основном через Китай), учение Будды способствовало оформлению в Японии административно-бюрократической иерархии и некоторых принципиальных основ системы этики и права. Заслуживает внимания, что в этой сфере не было сделано акцента, как то было в Китае, на безусловный авторитет мудрости древних и на ничтожность отдельной личности перед мнением и традицией коллектива в целом. Напротив, уже в «Законе 17 статей», опубликованном в 604 г., содержалась статья десятая, из которой явствовало, что у каждого человека могут быть свои мнения и убеждения, представления о правильном и мудром, хотя при этом все-таки следует действовать, сообразуясь с волей большинства. В этой статье как бы в зародыше видны важные отличия, предопределившие – вместе с рядом других факторов – иную внутреннюю структуру и иные политические судьбы Японии по сравнению с Китаем, чьей цивилизации она столь многим обязана [11, с.70].

Иными словами, в рамках древнеяпонской цивилизации буддийские нормы, даже подвергшиеся китаизации и конфуцианизации, оказались более крепкими, и именно они сыграли существенную роль в сложении основ японской культуры. Уже с VIII в. влияние буддизма стало определяющим и в политической жизни страны, чему способствовал институт инке, согласно которому император еще при жизни обязан был отречься в пользу наследника и, став монахом, управлять страной в

качестве регента [17, с. 105].

Быстро росло количество буддийских храмов: в 623 г. их стало, по данным хроники Нихонги, 46. В конце VII в. был издан специальный указ об установлении алтарей и изображений Будды во всех официальных учреждениях. В середине VIII в. было принято решение о строительстве гигантского храма Тодайдзи в столице Нара, причем центральное место в храме заняла 16-метровая фигура Будды Вайрочана, золото для покрытия которой собирали по всей Японии. Буддийские храмы стали исчисляться тысячами. В Японии нашли свою вторую родину многие школы-секты буддизма, в том числе и не уцелевшие, либо пришедшие в упадок на материке [11, с. 210].

Секта Кэгон, оформившаяся и набравшая силу в VIII в., превратила принадлежавший ей столичный храм Тодайдзи в центр, претендовавший на объединение всех религиозных направлений, в том числе и на сближение, синтез буддизма с синтоизмом. Опираясь на принцип хондзи суйдзяку, сущность которого сводилась к тому, что синтоистские божества – это все те же будды в их очередных перерождениях, школы-секты японского буддизма (Сингон, Тэндай и др.) заложили основу так называемого «ребу синто» («двойной путь духов»), в рамках которого буддизм и синтоизм, некогда враждовавшие, должны были слиться в единое целое. Это движение имело определенный успех. Японские императоры официально обращались к синтоистским богам и храмам с просьбой оказать помощь в сооружении Тодайдзи и возведении статуи Вайрочана. Они заявляли также, что считают своим долгом поддерживать и буддизм, и синтоизм. Некоторые почитаемые Kami (примерно так же, как и даосские божества в Китае) удостаивались статуса бодисатвы. Буддийские монахи нередко принимали участие в синтоистских празднествах и т. п. [15, с. 90].

Особый вклад в сближение буддизма и синтоизма внесла секта Сингон (санскр – мантра), распространившаяся в сравнительно позднее

время из Индии и почти неизвестная в Китае (кроме Тибета). Основатель секты Кукай (774–835) сделал основной акцент на культ будды Вайрочана, воспринимавшегося в рамках этого учения как символ космической Вселенной. Через причастность к космосу и космической графической системе Вселенной (мандала) с изображением различных будд и бодисатв на ней человек приобщался к буддийской символике и обретал надежду на просветление и спасение. Обилие будд и бодисатв и магически-символическая связь с ними, многие мистические ритуалы секты Сингон позволили сблизить буддизм и синтоизм, отождествить синтоистские божества, олицетворявшие силы природы, с космическими силами и буддами буддизма [11, с. 113].

Внеся важнейший вклад в ребу синто, секта Сингон объявила главных японских kami аватарами различных будд и бодисатв, в том числе Аватэрасу – аватарой будды Вайрочана. Синтоистские божества гор тоже стали рассматриваться как воплощения будд, и именно это учитывалось при строительстве там крупных буддийских монастырей. Даже во многих синтоистских храмах заправляли буддийские монахи. Только два важнейших, в Исэ и Идзумо, сохраняли свою независимость. С течением времени эту независимость стали активно поддерживать и японские императоры, видевшие в синтоизме опору своего влияния. Но это было уже связано с общим ослаблением роли императоров в политической жизни страны [19, с. 216].

С IX в. значение политической власти императоров уходит в прошлое. Функции регента-правителя оказываются в руках представителей аристократического дома Фудзивара, на женщинах из которого были обязаны из поколения в поколение жениться императоры. При регентах Фудзивара значение буддизма становится еще большим. Он превращается в государственную религию. Не только императоры, как это бывало в прошлом, но и регенты, и все их виднейшие чиновники к концу жизни становились монахами, но не выпускали из своих рук бразды правления.

Центр административного руководства переместился в буддийские монастыри, так что буддийское духовенство сосредоточило в своих руках огромную власть. За монастырские должности шла активная борьба, причем клан Фудзивара ревниво следил за тем, чтобы все высшие должности в монастырских сангах доставались его членам. Естественно, это вело к резкому возрастанию политических и экономических позиций буддийских монастырей, особенно принадлежавших к наиболее влиятельным и активным сектам, как, например, Тэндай с центральным монастырем на горе Хиэй (Энрякудзи), который порой не подчинялся приказам властей и требовал себе все новых привилегий [11, с. 150].

Весь период сегуната, длившийся долгие века, буддизм продолжал быть основной опорой власти. Однако в нем происходили важные изменения. Ушли в прошлое власть императора и централизованно-административное правление из монастырей, характерное для периода регентства. На передний план вышли феодальные князья и их вассалы-самураи. Силы феодальной децентрализации с трудом сдерживались вооруженной мощью сегунов. В изменившейся ситуации изменился и буддизм. На смену старым сектам пришли новые, влияние которых сохранилось в стране и поныне [26, с. 176].

Дзэн проник в Японию из Китая на рубеже XII–XIII вв. в обеих его модификациях, северной и южной. Однако наибольшее развитие получила южная школа, страстный проповедник идей которой, Догэн, внес некоторые существенные изменения в ее принципы. Так, Догэн, в отличие от китайской традиции южной ветви чань, уважал авторитет Будды, сутр и своего учителя.

Это нововведение Догэна сыграло важную роль в дальнейших судьбах секты дзэн в Японии. Она осталась эзотерической, как и чань в Китае. Однако возможности и влияние ее в Японии оказались неизмеримо более широкими. Во-первых, признание авторитета учителя способствовало упрочению определенных традиций. Укрепился институт

инка, означавший признание учителем-мастером того, что ученик достиг просветления, сатори. Тем самым мастер как бы санкционировал право ученика на наследование авторитета учителя, традиций его школы. Во-вторых, школы при дзэнских монастырях стали очень популярны. Суровость и жестокость воспитания, палочная дисциплина, психотехника и самоконтроль, стремление приучить человека настойчиво добиваться цели и быть готовым ради нее на все – это в дзэнской системе воспитания импонировало сословию самураев с его культом меча и готовности умереть за господина. Естественно поэтому, что дзэн-буддизму охотно покровительствовали сегуны [22, с. 167].

Дзэн-буддизм с его принципами и нормами во многом определил кодекс самурайской чести, «путь воина» (бусидо). Мужество и верность, обостренное чувство достоинства и чести (не «лицо» образованного китайского конфуцианца, но именно честь воина-рыцаря, оскорбление которой смывается лишь кровью), культ самоубийства во имя чести и долга (не только мальчики в школах, но и девочки из самурайских семей специально обучались этому искусству: мальчики – делать харакири, девочки – закалываться кинжалом), философия фатализма в сочетании с фанатичной преданностью патрону, а также уверенность в том, что славное имя доблестно павшего будет светиться и почитаться поколениями в веках, – все это вместе взятое, вошедшее в понятие «бусидо» и оказавшее огромное влияние на японский национальный характер, во многом было воспитано японским дзэн-буддизмом [13, с. 60].

Фанатизм и готовность к самопожертвованию, воспитывавшиеся в самураях дзэн-буддизмом, отличались от фанатизма воинов ислама, которые шли на смерть во имя веры, ожидая вознаграждения за это на том свете. Ни в синтоизме, ни в буддизме концепции вечного блаженства на том свете не существовало. И вообще духовная ориентация японской культуры, как и китайской, оказавшей на нее в этом смысле немалое влияние, была посюсторонней. Не о загробном блаженстве и посмертной

жизни, а о достойной смерти и высоком месте в памяти живых мечтали шедшие на смерть самураи. Это отношение к смерти как естественному концу, как закономерной судьбе каждого, к нормальной смене одного состояния другим (с перспективой возвращения в старое состояние жизни, но уже в новом рождении) в немалой степени было стимулировано буддизмом, в том числе дзэн-буддизмом [16, с. 9].

Глава 2. Отражение поведения самураев в самурайских гунках

2.1. Отношение к господину

Материал, связанный с отношениями самурая с его господином, довольно разнообразен, в связи, с чем мы попытаемся внести в его изложение определённую логику. Он может быть разделён на части в зависимости от того, идёт ли в нём речь об одном человеке в его отношениях с господином или же в истории участвует большая группа лиц. Другим критерием деления может быть соответствие (или несоответствие) поведения слуги идеальному образцу.

Ориентированные на китайские образцы и китайскую политическую историю японские источники содержат информацию об идеальном, жертвенном поведении слуг из истории Древнего Китая:

«В старину, когда ханьский Гаоцзу сражался с Сяньюем, увидев, что войско Гаоцзу разбито, воин по имени Цзисинь сел в экипаж и проехал перед лагерем Сяньюя. В это время Гаоцзу смог тайком бежать. А воины Сяньюя задержали экипаж, считая, что в нём едет Гаоцзу. Однако же ехал в нём один Цзисинь.

А поскольку этот Цзисинь был выдающимся воином Поднебесной, Сяньюй пощадил его за нанесённый им ущерб и сказал:

— Следуй за мною. Ты должен помочь мне!

Цзисинь насмешливо отвечал ему:

— *Вассал не служит двум повелителям* [курсив наш – А. З.]. С какой это стати я сделаюсь рабом Сяньюя!

Разгневавшись, Сяньюй приказал убить Цзисиня» [7, с. 40].

В таком же духе безусловной верности мыслит и Тикахино, один из вассалов Минамото прибывший к столице для поддержки экс-императора Сутоку и встретивший воинов Тайра:

«— Вряд ли человек, вооружённый луком и стрелами, *изменит слову, единожды им произнесённому* [курсив наш – А. З.]. Разве может Тикахино, прибывший по велению экс-императора, тот же час переменить свои убеждения, едва только выйдет повеление правящего императора? *У того, кто родился в доме Гэндзи, двух господ не бывает* [курсив наш – А. З.]. Так что я никак не могу последовать Вашему досточтимому совету. Мои дальние предки, начиная с владетеля Ямато, проживали во внутреннем уезде и ни разу не запятнали своего имени участием в военных заговорах. Поспешите, молодые люди! Живите праведной жизнью, дорожите своим именем. Расступитесь, дайте дорогу! — и тридцать с лишним всадников, выстроив в ряд своих коней, пустили их вскачь [7, с. 34].

Итак, нормативное поведение самурая – служение одному господину и безусловная верность данному слову.

Следующая ситуация разворачивается накануне решительной схватки, за западные ворота тракта Оиномикадо, Ямада Касабура Карэюки – вассала Тайра и Хатино Тамэтомо – вассала Минамото. Между Ямада и его слугой происходит показательный разговор:

«Так вот, собираясь выступить против соперника, Ямада приблизился к своему слуге и сказал:

— Слушай! Было бы жаль закончить всё, даже не вспомнив, что ты служишь мне с давних пор. Однако, согласно обещанию, данному в прежней жизни, мы стали господином и слугой и будем следовать этому обещанию до самого конца. Ты, конечно, слышал слова, которые сейчас произнёс Корэюки. Теперь вряд ли получится повернуть назад, даже если я и захотел бы этого. Настигнутый стрелой господина Хатино, я неизбежно погибну. Однако встретиться так с человеком, у которого есть лук и стрелы, — это верх моих желаний. Жить ли, или умереть — вот что определяет сражение. Во время него тебя здесь ни в коем случае не должно быть. А раз это так, то если я умру, — спрячь свой стыд. Остаться живым

— у меня один шанс из десяти миллионов. Если я буду жив, то проникнусь мыслью о том, что ты — верный слуга своего господина! Если станешь свидетелем схватки, и это будет схватка господина Ямада, повествуй о ней этими самыми словами.

Так он сказал, и слуга, решив, что *господин его выжил из ума* [курсив наш – А. З.], отвечал:

— Вероятно, давно известно, что с чем-то подобным обязательно должен встретиться тот, кто говорит, будто его заставил это исполнить человек, вооружённый луком и стрелами. Как буду я дальше жить, если моего господина поразят стрелой?! В конце концов *господин умрёт только после моей смерти* [курсив наш – А. З.]. И ещё: чтобы подданным господина быть свидетелями, им нужно будет стоять на дороге? А совершить воинский подвиг важнее, чем оставаться в живых. Это же такое развлечение! [курсив наш – А. З.].

Потом он взял поудобнее свой длинный меч и выехал вперёд» [7, с. 61].

Таким образом, урок нормативного поведения самураю пришлось выслушать от своего слуги.

Схожим образом ведёт себя другой слуга - Канэхира Имаи, который вместе со своим господином Есинойкой - вассалом Тайра, оказался в ситуации скорой неминуемой гибели от рук превосходящего по силам врага после битвы при переправы Сэта:

«Теперь, когда их осталось всего лишь двое — господин и вассал — Ёсинаяка сказал, обращаясь к Канэхире Имаи:

— Не знаю отчего, но доспехи, тяжесть коих я прежде никогда не замечал, сегодня гнетут мне плечи!

— Господин, вид у вас очень бодрый! — отвечал ему Канэхира. — И конь у вас еще совсем свежий! Почему же вы говорите, что доспехи вам тяжелы? Вам это только кажется, ибо вы пали духом, лишившись войска. Но ведь с вами я, Канэхира, считайте же, что я один равен тысяче! У меня

и стрел еще осталось довольно, семь или восемь. Я задержу врагов, а вы скачите к соснам, что виднеются там, вдаль, и зовутся Сосновой рощей, Авадзу. Там, среди сосен, вы сможете спокойно кончить счета с жизнью! — И он погнал вперед своего коня, а навстречу показался отряд противника, пятьдесят сильных, свирепых воинов. — Господин, скачите же в Сосновую рощу! А я, Канэхира, задержу этих недругов! — опять повторил Канэхира, но Ёсинака ответил:

— Мне следовало пасть в бою там, в столице, а я бежал сюда, в эту даль, только затем, чтобы умереть с тобой рядом! Зачем же нам погибать от руки врагов порознь? Лучше умрем здесь оба, друг подле друга! — И он поравнял своего коня с конем Канэхире, намереваясь скакать бок о бок, но Канэхира соскочил на землю и, схватив коня Ёсинаки под уздцы, молвил:

— Какой бы славой ни покрыл себя воин в недавнем или в отдаленном прошлом, вечный позор станет ему уделом, если он умрет недостойной смертью! Господин, вы устали. Ваше войско разбито. Враги оттеснят нас друг от друга, и вы падете от руки ничтожного простого наемника! Разве не обидно, если прославленный Ёсинака из Кисо погибнет от руки какого-то безвестного челядинца? Молю вас, поезжайте же туда, в рощу, и не помышляйте ни о чем прочем!

— Тогда прощай! — сказал Ёсинака и поскакал к Сосновой роще, Авадзу» [4, с. 382].

Не помышляя о спасении, вассал думает только о своём господине, а именно, о том, как создать условия, чтобы господин достойно ушёл из жизни.

Вассал мог в минуту опасности проявлять трогательную заботу о своём господине, как, например, Нобуцура – телохранитель принца Мотихито, поддерживающего клан Минамото в войне Гэмпэй. Принц в спешке покидает свой дворец и бежит в монастырь Миимори:

«Меж тем Нобуцура остался сторожить покинутый дворец принца. Там еще оставались немногочисленные дамы из свиты; Нобуцура спрятал их в укромном месте, а потом решил обойти покои, чтобы убрать следы беспорядка, как вдруг увидел, что в опочивальне принца, у изголовья постели, лежит флейта «Веточка», которую принц берег как самую большую свою драгоценность — и надо же было забыть ее в столь неподходящее время! «Вот беда! Ведь это флейта, которой так дорожит принц! — подумал Нобуцура. — Наверное, он так горюет о своем сокровище, что готов, чего доброго, вернуться обратно!» И, схватив флейту, Нобуцура бросился вдогонку принцу. Пробежав добрых пять те, он наконец догнал беглецов и вручил флейту принцу. Тот был глубоко тронут.

— Если я умру, положите эту флейту со мною в гроб! — сказал он и, обращаясь к Нобуцуре, добавил: — Ступай с нами, назад во дворец не возвращайся!

Но Нобуцура ответил:

— С минуты на минуту прибудет высланная за вами стража, — негоже, если во дворце не окажется ни единой живой души. Ведь всему свету известно, что Нобуцура здесь служит, и, если меня не найдут, *люди скажут, что я тоже спасся бегством сегодня ночью. А для того, кто неразлучен с луком и стрелами, зазорно утратить честь, пусть даже на короткое время!* (курсив наш – А. З.). Лучше я привечу непрощенных гостей, как они того заслужили, разгромлю их в пух и прах и тогда уж не мешкая присоединюсь к вам! — И он бегом вернулся обратно...» [4, с. 187-188].

Приведённый отрывок интересен ещё в двух отношениях. Нобуцура не выполняет недвусмысленно выраженного приказа господина присоединиться к нему, причём причина непослушания заключается в нежелании прослыть трусом и утратить честь, то есть, имеет сугубо личный характер.

«Повесть о доме Тайра» содержит драматическую историю о судьбе самурая Сюнкана, сосланного правительством на отдалённый остров, и его верном слуге Арио прибывшем на остров, чтобы порадовать господина письмом от дочери:

«Итак, двое из троих ссыльных, томившихся на острове Демонов, вернулись в столицу, только Сюнкан остался один сторожить постылый остров, — прискорбная, горестная судьба!

У него был юноша-паж, которого он жалел и воспитывал с детства. Звали его Арио. Услышав, что ссыльные с острова Демонов сегодня прибывают в столицу, отправился Арио встречать их далеко, в селение Тоба; смотрел во все глаза, но своего господина так и не увидел. «Отчего это?» — спросил он, и ему отвечали: «Слишком велико его преступление, потому и не вышло ему прощения!» Трудно описать, что почувствовал Арио, услышав эти слова. С той поры он все время бродил в окрестностях Рокухары, разузнавал и расспрашивал, но так и не смог узнать, когда же помилуют его господина. Тогда пошел он туда, где, таясь от людей, жила дочь Сюнкана, и сказал: «Господин, батюшка ваш, и на сей раз оставлен без милости, в столицу не возвратился. Я решил во что бы то ни стало поехать на остров Демонов, чтобы своими глазами увидеть, что с ним. Напишите послание, я отвезу его вашему отцу!» И юная госпожа, плача, написала письмо.

Арио распрощался и, ни слова не сказав отцу с матерью (ибо опасался он, что не дадут они позволения), поспешно пустился в путь. Корабли, отплывающие в Китай, уходят не ранее четвертой или пятой луны, но Арио не стал дожидаться, уже в конце третьей луны покинул столицу и, проделав долгий, трудный путь морем, добрался наконец до побережья Сацумы, что на острове Кюсю. В гавани, откуда отплывали корабли на остров Демонов, люди отнеслись к нему недоверчиво, заподозрили в чем-то дурном, да самого же и обобрали до нитки. Но он нисколько о том не сокрушался, тревожился лишь, как бы не пропало

письмо юной госпожи, и потому спрятал его в пучке волос, собранных на макушке [4, с. 144-145].

Слуга, прибывший на остров, находит своего господина мертвым:

«Обхватив руками его бездыханное тело, Арио плакал и горевал, припадая к земле, взывая к небу, но все напрасно. А выплакав свое горе, подумал: «Мне надлежало бы тут же сойти в могилу вместе с моим господином, но осталась еще на свете юная госпожа и к тому же надобно молиться за упокой души господина. Останусь же пока в живых, дабы о том молиться!» И, не потревожив тела Сюнкана, он обрушил на него хижину, набросал сверху сухой камыш и сосновые ветви и предал останки огню. Когда же погребение в огне закончилось, он собрал в суму белые кости, повесил суму вокруг шеи и снова на купеческом корабле отбыл на Кюсю.

Потом он отправился к юной госпоже и обо всем подробно поведал ей.

— Прочитав ваше письмо, господин опечалился еще больше. У него не было ни бумаги, ни туши, вот почему я не смог привезти вам ответного послания. Все, что наболело на сердце у господина, так и исчезло навеки, невысказанное, с ним вместе. Увы, больше мне никогда не увидеть облик вашего батюшки, не услышать его голос, сколько бы раз ни суждено мне было переродиться в грядущем! — так говорил он, и юная госпожа упала ничком и рыдала в голос.

Тотчас же, всего двенадцати лет от роду, постриглась она в монахини, посвятила себя служению Будде в храме Хокэдзи, в Наре, и молилась за упокой души отца и матери. Арио же, повесив на шею суму с прахом Сюнкана, поднялся на священную гору Коя, похоронил останки Сюнкана в Главном храме, а потом тоже принял постриг в Лotosовой долине и, совершая паломничество по святым местам во всех семи краях и землях Японии, молился за упокой души своего господина [4, с. 149-150].

Данный фрагмент воспекает верность вассала, и его жертвенную модель поведения. И это при условии смерти его господина.

В следующем фрагменте большая группа воинов постаралась создать все условия для выполнения их господином – Минамото-но Мицунакой, его желания принять монашеский постриг:

«Завтра я собираюсь принять обет. За все эти годы я ни разу не утратил пути воина. Я останусь на этом пути еще одну ночь. Помните об этом и хорошо стерегите меня этой ночью».

Услышав от господина такие слова, воины ушли в слезах.

Затем четыреста или пятьсот человек, все в доспехах, вооруженные луками и стрелами, окружили дом губернатора тремя-четырьмя рядами. Всю ночь они жгли костры, а местность постоянно контролировали дозоры. Они сторожили своего господина так, что даже муха не смогла бы пролететь мимо них.

Шла ночь, и губернатор становился все более неуверенным в себе. Как только рассвело, он быстро умылся и попросил святых людей совершить службу и позволить ему стать монахом. Все трое с радостью согласились.

Еще пятьдесят самураев, служивших губернатору долгие годы, приняли обет вместе с ним. Их жены и дети непрерывно плакали от горя» [38, с. 55-56].

Мы полагаем, что добровольное принятие пострига такой большой группой воинов, также может рассматриваться как проявление крайней верности и уважения к господину.

Интересную информацию содержат эпизоды «Повести о доме Тайра», посвященные приближению поражения дома Тайра, в связи с чем клану пришлось спешно покинуть столицу. В этих условиях происходила проверка на верность вассалов Тайра из числа столичных и провинциальных самураев с их дружинами. Приведем несколько цитат:

«Но вот прибыли Тайра в свою вотчину Фукухара, и князь Мунэмори, созвав самых доблестных, прославленных самураев, старых и юных, обратился к ним с речью:

— Настал конец счастью, сопутствовавшему нашей семье благодаря добродетели многих поколений прославленных наших предков! Род наш постигло возмездие за несправедные деяния. Боги отвернулись от нас, государь-инок нас покинул! Оставив столицу, блуждаем мы по дорогам бесприютных скитаний — такова теперь наша участь, и впереди нас ждет неизвестность. Но мы знаем: не случайна связь между теми, кто хоть раз вместе укрывался от дождя под сенью дерева или вместе утолил жажду, зачерпнув воду из одного потока, — даже такая мимолетная встреча предопределена глубокой связью в предыдущих рожденьях! Насколько же прочнее и глубже связующие нас узы! Все вы — не случайные люди, служившие нам лишь короткое время; вы — потомственные вассалы нашего дома, как и многие поколения ваших предков! Многие из вас связаны с нами узами родства, осыпаны щедрыми милостями нашего дома на протяжении нескольких поколений. В минувшие годы, когда процветал наш род Тайра, вы тоже благоденствовали и семьи ваши жили в довольстве благодаря нашим щедротам! Ныне пришло время воздать нам за эти благодеяния! Помните, здесь с нами император, владыка, украшенный всеми Десятью добродетелями, с нами три священных символа его власти! Отвечайте же, *готовы ли вы следовать за ним на край света, в неведомые поля и горы?* [курсив наш – А. З.].

Выслушав эти речи, и стар и млад ответили в один голос, проливая слезы волнения:

— Благодарность за добро свойственна даже несмышленным зверям и птицам! Так неужели же мы, родившись людьми, способны позабыть эту заповедь? На протяжении долгих двадцати лет мы лелеяли наших жен и детей и пеклись о наших вассалах единственно благодаря вашим щедрым благодеяниям. Мы, самураи, всадники, посвятившие себя служению луку и

стрелам, почитаем двоедушие в особенности постыдным! Мы пойдем за государем повсюду, — не только здесь, в Японии, об этом и говорить нечего, — но и дальше, куда угодно, хоть в Силлу, в Пэкче, в Когуре, в Кидань, на край света, за моря-океаны, а там будь что будет! — так дружно ответили самураи, и вельможи Тайра воспрянули духом» [4, с. 331-332].

В этом фрагменте обращает на себя внимание само наличие вопроса к вассалам об их готовности выполнить свой долг, причём ему предшествует перечисление аргументов, в силу которых Тайра вправе ожидать выполнения этого долга (предыдущие благодеяния в адрес вассалов, присутствие императора). В данном эпизоде самураи соглашались выполнить свой долг.

О том, что подобные вопросы были не лишними, а опасения Тайра по поводу верности слуг небезосновательными, свидетельствуют следующие эпизоды повести.

«Князь Мунэмори послал Ёсиюки Абэ к вельможам Тайра, велел сказать им: «Куро Ёсицунэ сломил нашу оборону в Микусе и уже вторгся в наши пределы. Под угрозой наш боевой стан в предгорье. Выходите все на битву, дабы воинство Ёсицунэ отбросить!» *Но никто не согласился выступить против Ёсицунэ, все отказались* [курсив наш – А. З.]. Тогда Мунэмори отправил посланца к Норицунэ, правителю Ното, велел сказать: «Прости, что всякий раз призываю тебя на помощь, но не выйдешь ли против Ёсицунэ?» И правитель Ното ответил: «Каждый должен считать ратное дело своим главным, первейшим долгом! Разве можно добиться победы, если перебирать, словно на охоте или на рыбной ловле: „Туда не пойду, там улова не будет!“ или: „Это место сулит удачу, туда — согласен!“. *Я, Норицунэ, повинуясь приказу готов сражаться в самом трудном месте! Ручаюсь, мы отразим врага и обратим его в бегство!*» [курсив наш – А. З.]. Возликовал Мунэмори, услышав такой ответ, и прислал правителю Ното десять тысяч воинов во главе с Моритоси,

прежним правителем земли Эттю. Норицунэ вместо со старшим братом своим Митимори встали обороной у подножья перевала Хиёдори, защищая крепость Тайра в Ити-но-тани со стороны горного кряжа» [4, с. 394]

В приведённой выше истории на призыв о военной службе откликается только один вассал. Остальные от службы уклоняются.

Ещё более вызывающая картина рисуется перед глазами в момент ухода Тайра из столицы:

«Ёримори, владетель Усадьбы у Пруда, предал огню свою усадьбу и покинул столицу вместе с другими Тайра, но в Тобе, у Южных ворот, замешкался и, промолвив: «Я кое-что позабыл!» — сорвал с доспехов алый герб Тайра, бросил его на землю и поскакал обратно в столицу; за ним устремились и все его самураи-вассалы, числом более трехсот всадников.

Морицуги, самурай Тайра, подскакал к князю Мунэмори.

— Смотрите, смотрите! — сказал он. — Князь Ёримори решил остаться, значит, с ним останется множество самураев! Какая низость! Позвольте пустить хотя бы одну стрелу вдогонку предателям!

— Нет, — отвечал ему князь Мунэмори. — Не стоит стрелять в изменников, покидающих нас в час испытания, позабыв о многолетних наших благодеяниях! — И Морицуги пришлось против воли подчиниться его приказу.

— А где же сыновья покойного князя Сигэмори? Здесь ли они? — спросил Мунэмори.

— До сих пор ни один из них не явился! — гласил ответ. Тогда, проливая слезы, промолвил князь Томомори:

— Еще и дня не прошло, как покинули мы столицу, а в сердца людские, увы, уже закралась измена! Что же ждет нас там, куда мы стремимся? Оттого и говорил я, что нужно оставаться в столице, здесь и встретить свою судьбу, а там будь что будет! — И он с превеликим гневом и горечью бросил взгляд на старшего брата» [4, с. 468].

Таким образом, измена проникает даже внутрь самого клана Тайра.

Автор «Повести о доме Тайра» на примере поведения одного аристократа, уже упомянутого Ёримори, рассказывает о психологических причинах, которые могли обусловить неверное поведение:

«А князь Ёримори решил остаться, потому что властитель Камакуры Ёритомо питал к нему добрые чувства и постоянно ласково заверял его в письмах: «Поистине я глубоко вас почитаю! Для меня вы живое воплощение вашей покойной матушки, госпожи монахини Икэ-дзэнни, хозяйки Усадьбы у Пруда. Сам великий бодхисатва Хатиман да будет свидетелем моего к вам чистосердечнейшего расположения! Такие клятвенные послания он то и дело присылал Ёримори, и всякий раз, отправляя в столицу своих вассалов для истребления семейства Тайра, заботливо наказывал: „Смотрите, ни одной стрелы не выпускайте против самураев князя Ёримори, хозяина Усадьбы у Пруда!“ Молва твердила, что князь Ёримори оттого и возвратился в столицу, что решил — коль скоро пришел конец благополучию дома Тайра, остается уповать лишь на милость властителя Камакуры Ёритомо.

В столице он направил стопы в монастырь Добра и Мира, Ниннадзи, где в храме Вечный Оплот, Токива, обитала в ту пору принцесса Хатидзё. Кормилица принцессы, госпожа Сайсё, была супругой князя Ёримори.

— Молю вас, заступитесь за меня, если мне будет грозить опасность! — обратился он с мольбою к принцессе, но ответ принцессы не развеял его тревоги.

— Увы, все, что ныне творится в мире, неподвластно моей воле! — отвечала она.

И впрямь, пусть сам князь Ёритомо питал к нему добрые чувства, но кто поручился бы, что остальные многочисленные воины Минамото тоже отнесутся к нему благосклонно? Между тем с родичами он уже разлучился. Тревожно, смутно было на душе у князя Ёримори, как у человека, который и с морем уже расстался, и к берегу еще не причалил» [4, с. 482].

Таким образом, причиной поведения князя Еримори была лесть в его адрес со стороны князя Еритомо и надежда на заступничество принцессы.

2.2. Проблема столкновения разных видов должного в поведении самурая: долг по отношению к императору и долг по отношению к отцу

Японское общество высоко ставило уважение к отцу. Причины этого, безусловно, кроются в его патриархальности, а также нормах синто и конфуцианства. Однако и конфуцианство, и Дзэн-буддизм содержали в своих догматах требование верности господину и императору. Таким образом, самурай мог оказаться перед морально-нравственной дилеммой: следовать сыновнему долгу или же долгу подданного. Материал, связанный с этим типом отношений, менее разнообразен, чем предыдущий.

Мечь нередко становилась и значимой составной частью жизни самурая, и предметом для размышлений. Следующий эпизод повествует нам об отмщении за смерть отца его сыном – о нем известно лишь то, что он был вассалом губернатора Кадзуса. Разговор после убийства происходит между губернатором Кадзуса – Тайра-но Канэтада и его сыном Тайра-но Корэмоти:

«Господин, - начал Корэмоти, сев перед губернатором. - Прошлой ночью кто-то убил одного из моих сопровождающих. Такое убийство моего воина во время путешествия - позор для меня. Когда-то мы убили одного человека, который грубо попытался проехать верхом впереди нас. У вас, господин, служит его сын. Я почти убежден, что это сделал он. Я хотел бы вызвать его и допросить».

"Без сомнения, убийство совершил он, - сказал губернатор. - Вчера я видел твоего человека в саду среди сопровождающих тебя. У меня болели бедра, я попросил маленького самурая помассировать их. Я спросил его, знает ли он того человека. Он сказал, что нет. И я сказал ему: "Этот человек убил твоего отца. Вот ты и увидел его лицо. Он, наверное, ничего не знает о тебе, и это плохо для него". Он опустил глаза, поднялся и

вышел. Более я не видел его. Он никогда не оставляет меня, ждет меня днем и ночью. Так что, если он не показывался с прошлого вечера, это действительно странно. К тому же, еще кое-что заставляет меня подозревать его: вчера он точил в кухне свой кинжал. Мне сказали об этом сегодня утром мои люди, высказывая свои подозрения. Ты говоришь, что хочешь вызвать и допросить его. Подразумеваешь ли ты, что если убийство действительно совершил он, ты хочешь казнить его? Я вызову его только после того, как узнаю о твоих намерениях.

Я, Канэтада, недостойный человек, а ты умен. Но я твой отец. Предположим, что кто-то убил меня, а один из твоих людей убил его. И если потом люди начнут осуждать и ругать такого человека, ты думаешь, это хорошо? *Разве Небесное дао не позволяет отомстить за смерть отца?* [курсив наш – А. З.]. Ты великий воин, и тот, кто осмелится убить меня, не будет знать покоя. Ты предлагаешь допросить человека, который лишь отомстил за отца, хотя он служит мне. Это значит, что ты даже не будешь соблюдать траур после моей смерти".

Канэтада говорил все это громким голосом, встав на ноги, Корэмоти понял, что совершил ошибку. Он тоже поднялся на ноги, стараясь выразить почтение, насколько возможно. Он решил, что здесь уже поделаться ничем нельзя, и отправился обратно в Муцу. Его люди позаботились о теле Тароносукэ (убийца отца вассала).

Три дня спустя появился тот, кто убил Тароносукэ, весь в черном. Он предстал перед губернатором в таком удручении и трепете, что и губернатор, и те, кто были подле него, не могли сдержать слез. После этого люди уважали и боялись его» [38, с. 76-77].

Таким образом, сын оказался в сложной ситуации. С одной стороны - человек, который убил его отца, стал ему известен, и для мести не было физических преград. С другой – этот человек являлся вассалом дома Тайра, как и он сам, а значит его убийство будет знаком неповиновения и неуважения к своему господину. Однако старший Тайра проникся

поступком своего воина и простил ему этот шаг, сославшись на нормы религии.

Следующий пример повествует о том, как Сигэмори Тайра смог совместить сыновний долг и верность императору. Действие разворачивается в тот момент, когда его отец - Киёмори Тайра уже сомневается в лояльности императора к его клану и велит сыну собрать войска по тревоге:

«Но если правду сказать, Сигэмори не слышал ни о какой опасности; созвал же он вассалов отца для того, чтобы проверить, встанут ли самураи на его сторону, и таким путем смягчить сердце отца, в глубине души никогда не помышляя затеять с отцом распрю.

Так поступил он, в точности следуя поучению Конфуция: «Даже если государь совершает поступки, недостойные государя, подданный не должен забывать свой долг подданного. Даже если отец совершает неподобающие отцу поступки, сын не должен забывать свой долг сына. Храни верность государю и почтительность к отцу!» [курсив наш – А. З.].

Услышал об этих событиях государь-инок Го-Сиракава и сказал:

— Уже не в первый раз являет нам Сигэмори величие духа! Поистине стыд жжет меня, ибо он отплатил мне добром за зло!

Народ тоже восхищался князем, говоря:

— Ныне он достиг высоких званий военачальника и министра, потому что в предыдущих рожденьях добродетель его была совершенной! Силой и красотой, мудростью и ученостью превзошел он всех прочих!

Недаром говорится: «Если вассал не боится советовать государю, страна пребудет в мире! Если сын не боится дать советы отцу, в доме пребудет добродетель!»

И в самом деле, с древних времен и вплоть до нашей печальной поры упадка не бывало второго столь мудрого добродетельного министра, как князь Сигэмори» [4, с. 105].

Сигэмори не повел войска против императора, но и не послушался отца. Более того – поступил так, как велят нормы Конфуцианства.

Однако не всем удавалось быть такими дальновидными, как Сигэмори Тайра. И не каждая ситуация к этому располагала. Минамото-но Ёситомо в годы смуты Хогэн примкнул к Киёмори-но Тайра и воевал против экс-императора на его стороне:

«И тогда Ёситомо промолвил:

— Эту почётную должность первым занимал мой предок Мандзю, Хоть и говорят, что благоуханны её следы, но ведь до этого он был действительным помощником главы Правого управления императорских конюшен. А теперь я тоже переведён на должность действительного главы того же ведомства? Я считаю, что это не такая уж большая награда за выдающиеся заслуги. Подобающая честь не оказана. *Ёситомо прибыл к Вашему величеству, бросив своего отца и братьев, против собственного отца обнажив лук! Здесь разошлись между собою верноподданство и сыновний долг* [курсив наш – А. З.]. А коли это так, кто сможет меня осудить, если даже будут говорить, что я поднимаюсь до положения наследственного придворного? Я слышал, что вообще заслуги перед миром того, кто уничтожает врагов, отнюдь не ограничиваются тем, что он принимает на себя заботу о половине страны. При всём этом, с какою же отвагой отныне и впредь следует нападать на врагов династии?!

Понимая, что у Ёситомо имеются основания для того, чтобы говорить это, государь переместил главу Левого управления императорских конюшен Такасуэ-асона на должность главылевой половины столицы, а Ёситомо повысил до должности главы Левого управления императорских конюшен» [7, с. 79].

Таким образом, Ёситомо выбирает верноподданство, а не сыновний долг. Однако вымогательство у императора большей награды за свой выбор говорит нам о том, что выбор его был сделан под руководством не чувства долга, а жажды наживы.

Наш следующий фрагмент является логическим продолжением предыдущего. Киёмори Тайра сообщает Ёситомо Минамото (Глава Левых монарших конюшен): приказ государя – казнить своего отца:

«После того как людям пришлось зарубить своих близких, Киёмори обратился к главе Левых монарших конюшен с такими словами:

— Слышал я, что у Тамэёси, твоего отца, кто-то есть. Ступай, отруби ему голову! — так он промолвил и повторил свои слова трижды.

... Ёситомо подозвал Камада Дзиро и произнёс:

— Так-то и так. Вот грозные речи государя. Отрубив голову отцу, тем самым мы совершим один из пяти грехов. Если пренебречь повелением государя, из опасения совершить грех непочтения к родителям, мы сделаемся нарушителями воли августейшего. Так или иначе, трудно решить, как поступить.

Камада Дзиро, как человек мудрый, рассудил так:

— Существует старинное изречение: «Государь повелел отрубить голову отцу». Если такое случалось в старину, — оно и буддами разъяснялось. Когда же мы посмотрим на разъяснение в сутре «Кангё», мы увидим, что в ней цитируется «Конда ронгё». От начала нашего мира можно насчитать 18 тысяч дурных королей, которые нанесли вред своим отцам для того, чтобы добиться владения страной. Так много было королей, убивших собственных отцов, из желания обладать рангом Получившего страну в свои руки.

Слов нет, мне очень и очень стыдно, что жизнь Вашего батюшки, которому выпало стать врагом династии, и не удалось спастись бегством, зависит от посторонних людей. *Кроме того, из-за одного этого дела впустую пропадут Ваши старания соблюдать и долг верноподданного, и сыновний долг. Но если Вас лишат отца без вашего ведома, это даст Вам возможность как следует выполнить Ваш сыновний долг в будущих рожденьях* [курсив наш – А.З.], — такое постыдное предложение сделал он.

Ничего на это не отвечал глава Левых монарших конюшен, только слёзы у него полились потоками.

— Тогда пусть кто-нибудь распорядится, как тому следует быть, — сказал он» [7, с. 95].

Ёситомо Минамото снова приходится делать выбор между верностью отцу или императору. И вновь он находит путь, который кажется наиболее выгодным: соглашается на аморальные рассуждения придворного о том, что, если он не знает о предстоящем убийстве отца (что неправда) и потому не препятствует ему, то он не повинен перед отцом. То есть, Ёситомо попросту соглашается закрыть глаза на то, что должно произойти.

Приказы отданы, и вот уже вассалы Ёситомо стоят, обнажив мечи над шеей своего господина, главы клана Минамото – Тамэёси, и тоже делают свой выбор:

«Вчера он — предводитель мятежников во дворце, сегодня — буддийский монах. Хотя он и думает, что не обнаруживает перед людьми свою слабость, только по его лицу текли слёзы, просачиваясь сквозь прижатый к лицу рукав.

— О, с какими желаниями приходится встречаться на исходе старости! Думаю, что мои дети покроют грязью свои физиономии, будучи перетянутыми на их сторону вассалами рода Тайра из Исэ. Когда же меня заберут собственные дети, будет удивительно, если меня не упустят из своих рук наследственные вассалы! Сын, зарубивший отца, отец, зарубивший сына, — и зарубить самому, и быть зарубленным — это результат дурной кармы, дело позорное и позорное, возмутительное и возмутительное. А потому вершите его побыстрее. Если вы собираетесь зарубить Тамэёси на рассвете, тогда соберутся здесь и высшие и низшие. Когда же не удастся вам ваша попытка, жалко будет получить приказ взять его голову и взять его ноги. Если вы мои потомственные вассалы, вы за это, может быть, и не получите дурную репутацию. Но почему же вы

теперь должны стать дурными?! — так он сказал и, повернувшись лицом на запад, громким голосом несколько десятков раз возгласил нэмбуцу и сложил руки ладонями вместе.

Масакиё подумал, как это страшно — в самом деле ударить мечём по шее своего наследственного хозяина, и сказал Ёсимити: «Ты руби!» А после того как Ёсимити снова отодвинулся и сказал: «Я не слышу Вас!», — Масакиё внезапно обнажил меч и выдвинулся вперёд. В глазах его потемнело. Он слегка опустил остриё меча и рубанул им мятежника по шейному позвонку.

Потом, всё громче возглашая нэмбуцу, сбил Тамэёси с ног следующим ударом меча. Суэдзанэ, судья из провинции Суд, удостоверившись в этом, вернул Ёситомо голову и вместе с телом казнённого поместил её в паланкин. Тамэёси стал дымом в храме Энгакудзи в горном поместье Китасиракава. *Брало за душу то, как сын оплакивал его; он выполнил свой сыновний долг по отношению к тому, кто совершил самый тяжкий из пяти грехов, — но, может быть, это и не достигло души Тамэёси?»* [курсив наш – А. З.]. [7, с. 98-99].

И Ёситомо Минамото и его вассалы очистили себя в своих собственных глазах и глазах общества тем, что казнили не своего отца и господина, а мятежника, поднявшегося против императора. Таким образом, мы можем видеть, что дилемма действительно существовала, а пути ее решения каждый выбирал сам.

2.3. Самурай на войне

На протяжении всего периода существования сословия самураев вопрос воинской доблести оставался для них одним из самых важных и насущных. Ведь жизнь мимолетна и сводится лишь к его достижениям на поприще войны. А достижения эти напрямую зависят от противников, которых самурай встречал на своем пути. Важным являлось практически все: происхождение врага, его предыдущие заслуги, обстоятельства боя и т.п. Материал этого параграфа, на наш взгляд, наиболее полно отражает важность вышеупомянутых аспектов.

Ситуация, описанная ниже, развернулась после возвращения телохранителя принца Мотихито обратно во дворец господина. Как и предполагал Нобуцура (уже упоминавшийся нами в §1 в связи с флейтой), ему представился шанс проявить воинскую доблесть:

«В полночь во дворец нагрянули триста с лишним всадников во главе с чинами Сыскного ведомства, офицерами-стражниками Канэцуной и Мицунагой.

Канэцуна — возможно, не без тайного умысла — осадил коня поодаль от внешней ограды. А Мицунага, как был, верхом, въехал в ворота, осадил коня во дворе и громким голосом возгласил:

— Мы явились за вами по приказу главы Ведомства сыска, ибо вы избобличены в заговоре! Выходите без промедления!

При этих словах Нобуцура вышел на широкий помост.

— Принца нет во дворце, — сказал он. — Он уехал на богомолье. Что вам надо? Объясните, в чем дело?

— Что такое? Где ему быть, как не здесь? Я не допущу пустых отговорок! Эй, стража! Ступайте и обыщите дворец! — приказал Мицунага.

— Вот речи скудоумного стражника! — сказал в ответ Нобуцура. — Уже то одно, что ты въехал во двор, не спешившись, — беспримерная

наглость! А ты вдобавок еще велишь своим подручным: «Ступайте и общите дворец!» Возмутительное, дерзкое приказание! Здесь перед вами я, Нобуцура! Смотрите, не просчитайтесь, если отважитесь сунуться ближе!

Был тут среди младших стражников могучий силач по имени Канэтаке, он одним прыжком вскочил на помост, норовя схватить Нобуцуру. Увидев это, другие стражники, числом более десяти, последовали за ним. Нобуцура развязал шнурки кафтана, сбросил одежду с плеч, и, хотя меч у него был всего лишь церемониальный, он заранее хорошенько наточил лезвие и теперь пошел рубить направо и налево. Его враги сражались настоящими боевыми мечами и длинными алебардами, но под ударами церемониального меча Нобуцуры скатились с помоста назад во двор, как листья под порывами бури.

В этот миг полная луна проглянула из-за туч, ярко озарив все кругом. Стражники не знали расположения дворца, зато Нобуцура отлично знал все закоулки. Он то нападал на своих противников в узком проходе и там рубил беспощадно, то загонял их в конец галереи и снова рубил.

— Как ты смеешь обращать меч против посланца, прибывшего по высокому указанию? — крикнули ему, но он отвечал:

— Знать не знаю никаких указаний!

Когда же меч у него погнулся, он отскочил в сторону, выпрямил лезвие, наступив на него ногой, и тут же, на месте, уложил более десятка достойных, сильных противников. Когда же кончик его меча обломился на добрых три суна, он стал шарить рукой у бедра, стараясь нащупать висевший у пояса кинжал, чтобы вспороть себе живот, но в пылу схватки ножны отвязались, и кинжал потерялся. Делать нечего — широко раскинув руки, он хотел было выскочить через задние ворота, но в этот миг навстречу ему ринулся стражник с длинной алебардой наперевес. Нобуцура, подпрыгнув, бросился на него, стараясь оседлать алебарду, но оплошал, и алебарда насквозь пронзила ему бедро. И хоть сердце у него

было храброе, но, окруженный многочисленными врагами, он попал в плен живым.

Затем стражники обыскали дворец, но так и не нашли принца. Схватив одного Нобуцуру, они привезли его в Рокухару. Князь Мунэмори, выйдя на широкий помост, приказал притащить Нобуцуру во двор, а Правитель-инок наблюдал за пленником из-за бамбуковой шторы.

— Ты сказал: «Знать не знаю никаких указаний!» — напал на стражу, больше того — ранил и убил многих, — сказал князь Мунэмори. — Допросите же его хорошенько, пусть все подробно расскажет! А потом стащите на берег реки и снесите голову с плеч!

Нобуцура, не выказывая ни малейших признаков страха, отвечал, громко рассмеявшись:

— В последнее время вокруг дворца то и дело слонялись по ночам какие-то подозрительные людишки, но я их не опасался и не считал нужным особо остерегаться. Вдруг во дворец вломились вооруженные люди. «Кто такие?» — спросил я, а они отвечают: «Посланец с приказанием!» — и дальше в таком же роде. А я давно уж наслышан, что разбойники, воры и разные лиходеи всегда говорят: «Прибыл знатный вельможа!» или: «Посланец привез высокое указание!» Вот я и ответил: «Знать не знаю никаких указаний!» — и пустил в ход свой меч. Да будь у меня добрый панцирь и настоящий меч из хорошей стали, ни один из этих стражников не ушел бы от меня целым! Что же до местопребывания принца, то где он сейчас — мне неизвестно. А если б даже и знал, — воин, достойный самурайского звания, все равно не сказал бы. А уж коли решился молчать, так неужели под пыткой скажет?! — так отвечал Нобуцура и с этой минуты не проронил больше ни единого слова.

— Вот настоящий, подлинно храбрый воин! — сказали стоявшие тут во множестве самураи, вассалы Тайра. — Поистине было бы жаль зарубить столь достойного человека!

А кто-то добавил:

— Он и в прошлые времена, когда служил при дворцовых складах, один сразился с грабителями, которых никак не могла одолеть дворцовая стража, четверых из шести зарубил насмерть, а двоих взял живьем. В награду его повысили тогда в звании... Вот о таких-то людях и говорится: «Один равен тысяче!» — так дружно жалели Нобуцуру вассалы Тайра, и Правитель-инок — уж кто его знает отчего? — пощадил Нобуцуру и приказал сослать его в Хино, в край Хооки.

Спустя много лет, когда властителем страны стал род Минамото, Нобуцура отправился в восточные земли, там, через Кагэтоки Кадзихару, он доложил князю Ёритомо об этом событии. «Замечательный подвиг!» — сказал князь и пожаловал Нобуцуре должность правителя земли Ното» [4, с. 189-191].

Итак, Нобуцура не дрогнул перед врагом, превосходящим его числом, достойно сразился с ним и без страха предстал перед их господином. Такую небывалую доблесть ценили, независимо от стороны, принятой самураем. И, как мы можем заметить, в своих расчетах Нобуцура не ошибся, ему удалось сохранить жизнь, а спустя годы изгнания награда нашла героя.

Следующий отрывок отражает разговор двух противников, встретившихся на поле боя в годы смуты Хогэн перед взятием дворца Сиракава:

«Приблизившись к воротам, воин громко выкрикнул:

— Здесь потомок Юкихидэ, управляющего поместьем Ямада, того самого, который схватил разбойника Татээбоси с горы Судзука и представил его пред очи государя, житель провинции Ига, законный наследник Ямада Котаро Корэсигэ по имени Косабуро Корэюки. Пусть из-за какой-то мелочи изволит отступить даже господин владетель провинции Аки, Корэюки один, если он хоть мельком увидит фигуру Ондзоси из почитаемой семьи с острова Цукуси, заставившего столько говорить о себе, — он уже не отступит. Ходит слух, что Вы стойки плотью, тверды

душой и часто берёте в руки лук и стрелы, значит, Вы тоже превосходны. Какие у Вас могут возникнуть трудности? Если я погибну от Вашей стрелы, что в колчане, у меня будут воспоминания в моей грядущей жизни, а останусь жить, — это будет для меня честью в жизни нынешней.

На это Тамэтомо отвечал:

— Как это! Я считаю, что для меня мало будет и такого соперника, как твой хозяин Киёмори. А потому — посторонись! Это предупреждение. Хоть и говорят, что род Хэй происходит от императора Камму, этот император далеко отстоит от своих потомков. Члены рода Гэн — потомки императора Сэйва, и напрямую от него до Тамэтомо насчитывается 9 поколений. Никто не может быть соперником для меня. Скорее посторонись» [7, с. 62]

Таким образом, мы можем убедиться в том, что родовитость воина и его заслуги играли не последнюю роль. Порой до противника нужно было «дорости».

В Японии, как и в прочих странах, существовал идеализированный ритуал, когда полководцы противостоящих друг другу армий решали исход сражения в личном поединке. Представленный ниже фрагмент повествует о таком поединке между Минамото-но Мицурой и Тайра-но Ёсифуми:

«Когда воины вновь помчались навстречу друг другу, Ёсифуми закричал Мицуру: "Мы оба стреляем в центр тела. Теперь мы знаем, что можем показать друг другу, и это не так плохо. Вы знаете, что мы не старые враги, и потому давайте остановимся. Мы просто хотели бросить вызов друг другу. Мы не хотели убивать друг друга, не так ли?"

"Я согласен, - сказал Мицуру. - Мы увидели, что у нас есть, что показать друг другу. Остановиться сейчас будет правильно. Я уведу своих воинов".

И каждый из них увел свою армию. Воинов охватил ужас, когда их хозяева мчались навстречу друг другу и стреляли из лука, и каждый из них

думал: сейчас его убьют! Сейчас его убьют! Поистине, смотреть, как сражаются их хозяева, им было тяжелее, чем самим стрелять друг в друга. Поэтому развязка поначалу озадачила их, но потом они возликовали.

Таким путем следовали воины древности. После поединка Мицуру и Ёсифуми стали близкими друзьями и, не колеблясь ни мгновения, говорили друг с другом обо всем» [38, с. 49].

Как мы можем увидеть на этом примере, воинская честь и доблесть заключалась не только в мастерстве боя, но и в рассудительности и хладнокровии.

В 587 г. власть при дворе оспаривают две влиятельные семьи – Сога и Мононобэ. Ёродзу является вассалом главы семьи Мононобэ – Мононобэ-но Мория. Он узнает, что его господин обвинен в заговоре и казнен. И скоро придет его черед:

«Императорский двор обсудил это дело и постановил: "Ёродзу замышляет восстание. Поэтому он спрятался на холме. Немедленно уничтожить его родственников. В случае провала прощения не будет".

Ёродзу вышел один, одежда его была грязной и разорванной, а сам он выглядел истощенным, но держал в руках лук и меч. Командующий послал несколько сотен воинов, которые окружили Ёродзу. Встревоженный, Ёродзу спрятался в бамбуковых зарослях. Он привязал к стеблям бамбука веревки и, дергая за них, обманул воинов. Воины бросились вперед, туда, где качался бамбук, с криками: "Ёродзу там!" Ёродзу начал стрелять в них. Ни одна стрела не прошла мимо цели. Воины были испуганы и не осмеливались приблизиться к нему.

Затем Ёродзу отвязал от лука тетиву и с луком под мышкой побежал по направлению к холму. Воины стреляли в него через реку, но ни одна стрела не попала в цель. Потом один воин обогнал Ёродзу, притаился у реки, положил на лук стрелу и выстрелил. Стрела попала Ёродзу в колено. Он вытащил ее. Он вновь привязал тетиву к луку и начал стрелять. Затем

лег на землю и закричал: "Я всегда защищал императора и хотел показать свою храбрость, государь никогда не просил меня поступать так. Теперь я окружен. Пусть выйдет тот, кто может говорить со мной! Я должен знать, намереваетесь вы убить или захватить меня".

Потом воины стали состязаться в стрельбе с Ёродзу. Ёродзу отбивал летящие стрелы и за короткое время убил более тридцати человек. Затем он разрубил мечом свой лук на три части, согнул меч и бросил его в реку. Потом он пронзил себе горло кинжалом и умер.

Губернатор Каути подал императорскому двору доклад о том, как умер Ёродзу. Двор издал указ:

"Разрубить тело этого человека на восемь частей, насадить куски тела на копья и установить их в восьми провинциях"» [38, с. 41].

На этом примере мы можем убедиться, что самурай действительно готов к бою при любых обстоятельствах и никогда не теряет твердость духа и здравость суждений.

Отнюдь не все самураи проявляли благородство и непоколебимость в следовании традициям и боевым ритуалам. В следующей истории перед нами появится принц Ямато Такэру, сын императора Кэйко, обожествленный синтоистами и пример боевой славы для самураев всех поколений. Несмотря на божественный ореол, не все его поступки была благовидны:

«Когда он вступил в страну Идзумо, он решил убить Идзумо Отважного. Для этого он завязал с ним дружбу. Втайне он сделал из дуба меч и, когда они отправились к реке Хи купаться вместе с Идзумо Отважным, засунул его в ножны, как настоящий. Выйдя из воды первым, он взял меч, который снял и оставил на берегу Идзумо Отважный, и сказал: "Давай поменяемся мечами".

Затем, когда Идзумо Отважный вышел из воды и надел меч Ямато Такэру, принц бросил ему вызов, сказав: "Давай скрестим наши мечи".

Когда они стали вытаскивать мечи, Идзумо Отважный не смог сделать это. А принц вытащил меч и убил Идзумо Отважного. Затем он спел песню:

Там, где вздымаются облака, Храбрец Идзумо носит меч,
Много раз обвязанный виноградной лозой, но без лезвия, какая жалость!»
[38, с. 34].

Остается только добавить, что порой храбрость и мастерство могут быть подменены коварством и изобретательностью. Но выбирать между первым и вторым всегда предоставляется воину.

Таким образом, из вышеизложенного следует, что у самураев второй половины XII века еще нет четких и обязательных рамок поведения. Кодекс самурайской чести – Бусидо, скорее всего на данном историческом этапе только начинает формироваться, именно этим и объясняется тот факт, что самурай мог поступать в схожих ситуациях абсолютно по-разному.

Однако самурай мог и нарушать требования, которые к нему предъявлялись. Так как между значимыми требованиями могли возникать коллизии. Более того коллизии могли возникать между требованием и его исполнением.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Японская цивилизация сформировалась в результате сложных и разновременных этнических контактов. Жизнь в постоянном ожидании стихийных разрушений, драгоценность малого количества пригодной для обработки земли сыграли свою роль в формировании психологии и эстетических взглядов японцев. Японская культура, в отличие от индийской и китайской, на рубеже средних веков только рождалась, поэтому ей был присущ повышенный динамизм и особенная чуткость к восприятию чужеземных влияний.

Сложный процесс культурного синтеза местных племен с пришлыми заложил основы собственно японской культуры, религиозно-культовый аспект которой получил наименование синтоизма. Синто («путь духов») – обозначение мира сверхъестественного, богов и духов (ками), которые издревле почитались японцами. Истоки синтоизма восходят к глубокой древности и включают в себя все присущие первобытным народам формы верований и культов – тотемизм, анимизм, магию, культ мертвых, культ вождей и т. п.

История конфуцианства в Японии (как, впрочем, и даосизма) восходит к раннему этапу развития японской цивилизации и государственности. Мигранты с материка, китайцы и корейцы, привозили с собой не только конфуцианские тексты, но и соответствующие им нормы конфуцианской морали и образа жизни, равно как и многие элементы даосизма, оказавшего воздействие на формирование синтоизма.

В рамках древнеяпонской цивилизации буддийские нормы, даже подвергшиеся китаизации и конфуцианизации, оказались более крепкими, и именно они сыграли существенную роль в сложении основ японской культуры. Уже с VIII в. влияние буддизма стало определяющим и в политической жизни страны, чему способствовал институт инке, согласно

которому император еще при жизни обязан был отречься в пользу наследника и, став монахом, управлять страной в качестве регента.

Нормативным поведением самурая является служение одному господину и безусловная верность данному слову.

Ориентированные на китайские образцы и китайскую политическую историю японские источники содержат информацию об идеальном, жертвенном поведении слуг из истории Древнего Китая.

Японское общество высоко ставило уважение к отцу. Причины этого, безусловно, кроются в его патриархальности, а также нормах синто и конфуцианства. Однако и конфуцианство, и Дзэн-буддизм содержали в своих догматах требование верности господину и императору. Таким образом, самурай мог оказаться перед морально-нравственной дилеммой: следовать сыновнему долгу или же долгу подданного.

На протяжении всего периода существования сословия самураев вопрос воинской доблести оставался для них одним из самых важных и насущных. Ведь жизнь мимолетна и сводится лишь к его достижениям на поприще войны. А достижения эти напрямую зависят от противников, которых самурай встречал на своем пути. Важным являлось практически все: происхождение врага, его предыдущие заслуги, обстоятельства боя и т.п.

Таким образом, из вышеизложенного следует, что у самураев второй половины XII века еще нет четких и обязательных рамок поведения. Кодекс самурайской чести – Бусидо, скорее всего на данном историческом этапе только начинает формироваться, именно этим и объясняется тот факт, что самурай мог поступать в схожих ситуациях абсолютно по-разному.

Однако самурай мог и нарушать требования, которые к нему предъявлялись. Так как между значимыми требованиями могли возникать коллизии. Более того, коллизии могли возникать между требованием и его исполнением.

Источники и литература

Источники

1. Классическая японская проза XI-XIV веков. Записки у изголовья. Записки из кельи. Записки от скуки Автор: Сэй-Сёнагон., Камо-но Тёмей., Кэнко-Хоси. - М.: Художественная литература, 1988.
2. Книга Самурая: Юдзан Дайдодзи Будосёсинсю. Ямамото Цунэтомо Хагакурэ. Юкио Мисима Хагакурэ Ньюмон. Перевод на русский: Котенко Р.В., Мищенко А.А. – СПб.: Евразия, 1999.
3. Кодекс Бусидо. Хагакурэ. Сокрытое в листве. – М.: Изд-во Эксмо, 2004.
4. Повесть о доме Тайра. Японский эпос. (XIII в.) / Пер. со старояп., предисл. и коммент. И. Львовой. - М.: Гудьял-пресс, 2000.
5. Свод законов "Тайхорё". 702-718 гг. - Кн. 1: I-XV законы / вступительная статья, перевод с древнеяпонского и комментарии К. А. Попова. - М.: Наука, 1985.
6. Сказание о Ёсицунэ (пер. А.Стругацкого). – М., 1984.
7. Хоген Моногатари. Сказание о годах Хогэн. – М.: Гиперион, 1999.

Литература

8. Арутюнов С. А. и Светлов Г. Е. Старые и новые боги Японии. М.: Наука, 1968.
9. Арутюнов С. А. Айны – Народы Восточной Азии. М.-Л.,1965.
10. Басов А. Р. Общество самураев. Самурай и его семья. / А. Р. Басов - М.: Интердиалект +, 2004.
11. Большой японско-русский словарь. Т. 2. М., 1970.
12. Брайант, Э. Самураи. Элитные войска. Самураи / Э. Брайант. - М.: 2005.
13. Варли П. Самураи / П. Варли, А. Моррис, Н. Моррис /Пер. с англ. А. В. Щеголевой. - СПб.: Гиперион, 1999.

14. Воробьёв М.В. Япония в III-VII вв.: Этнос, общество, культура и окружающий мир. – М.: Наука, 1980
15. Горо Хани. История японского народа. М.: И. Л., 1957.
16. Долин А. А., Попов Г. В. Кэмпо – традиция воинских искусств. – 3-е изд. - М., Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991.
17. Жуков Е. М. Японский милитаризм (Военно-историческое исследование). М.: Наука, 1972.
18. Игнатович А. Н. Буддизм в Японии: Очерк ранней истории. М.: Наука, 1987.
19. Иэнага Сабуро. История японской литературы. М., 1972.
20. Клири, Т. Кодекс самурая / Т. Клири – Ростов-на-Дону: АСТ, Астрель, 2001.
21. Конрад Н. И. Большой японско-русский словарь. В двух томах. / С. В. Неверов, К. А. Попов, Н. А. Сыромятников, Н. И. Фельдман, М. С. Цын, В. М. Константинов. - М.: Живой язык, 1970.
22. Конрад Н. И. Япония в период развитых феодальных отношений (10-15 вв.). – История стран Азии и Африки в средние века. М., 1968.
23. Конрад Н. И. Японский феодальный эпос 12-14 вв. – Японская литература. От «Кодзики» до Токутоми. М., 1974.
24. Кожевников В. В. Очерки древней истории Японии. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1998.
25. Крашенинников Н. История государства и права зарубежных стран. Часть 1 \ Н. Крашенинников, О. Жидкова— М.: Издательская группа ИНФРА М— НОРМА, 1997.
26. Кузнецов, И. Д. История Японии / И. Д. Кузнецов, Г. Б. Навлицкая, И. Сырицын — М.: Высш. шк.: 1988.
27. Курчакова, А. К. Секреты самураев: Боевые искусства феодальной Японии / А. К. Курчакова - М.: Феникс, 2000.
28. Кэнтё, С. Сущность бусидо / С. Кэнте. — ВА.: 1914.
29. Маслов А.А. Путь воина – путь смерти? // «Не может быть»? –

М.: 1996.

30. Носов, К.С. Вооружение самураев / Носов К. С.— М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2001.

31. Пронников В.А., Ладанов И.Д. Японцы. – М.: Наука 1983

32. Ратти, О. Тайны древних цивилизаций. Самураи / О. Ратти, А. Уэстбук - М.: Феникс, 2004.

33. Светлов Г.Е. Путь богов: (синто в истории Японии). – М.: Мысль, 1985

34. Сила-Новицкая Т. Г. Культ императора в Японии: мифы, история, доктрины, политика. М.: Наука, 1990.

35. Сеницын А.Ю. Самураи – рыцари Страны восходящего солнца – История, традиции, оружие – СПб, «Паритет», 2001

36. Спеваковский А. Б. Самураи – военное сословие Японии. М.: Наука, Главная редакция Восточной литературы 1981.

37. Тёрнбулл С. Самураи. Военная история. Перевод Костенко Р.В. – СПб.: «Евразия», 1999

38. Хироаки Сато. Самураи: история и легенды. Перевод Костенко Р.В. – СПб.: «Евразия», 1999

39. Эйбус Х. Т. История Японии с древнейших времен до наших дней. Краткий очерк. М.: Наука, Главная редакция Восточной литературы, 1968.